

Герметизация стыков металлоконструкции. С аэростата идет освещение.

работе реактора на мощности 200 МВт (6% номинала) произошла крупнейшая в истории техническая катастрофа с полным разрушением реакторной установки. Реактор и здание 4-го энергоблока были разрушены двумя мощными взрывами. Из реактора были выброшены раскаленные куски ядерного топлива и графита, которые частично упали на крышу машинного зала и вызвали пожар. Столб горящих материалов и газов взлетел на высоту более одного километра. В результате взрыва было разрушено помещение сепараторов, а они сами - весом около 130 тонн каждый (всего их четыре), сдвинуты с мертвых опор и оторваны от трубопроводов. Зал главных насосов (ГЦН) с северной стороны был полностью разрушен, основное оборудование было выброшено из здания.

Активная зона реактора разрушена полностью. Крышка реактора «Елена» сорвана с места и развернута над шахтой аппарата под углом 15 градусов к вертикали. Разрушены все трубы высокого давления, выброшены за пределы здания горячие блоки графита, трубопроводов и оборудования, особенно в северную сторону, образовав у здания завал больших размеров. Центральный зал реакторного блока разрушен, сорваны с места мостовой кран весом 250 тонн и монтажный кран весом 60 тонн.

Взрывной волной деформированы строительные фермы, смещены колонны каркаса машзала в сторону оси «А». Произошли также многочисленные разрушения отдельных конструкций и помещений. Размеры бедствия были усилены возникшим пожаром».

Из воспоминаний ликвидаторов:

«В тот злосчастный день - 26 апреля - в Киеве было назначено учение Гражданской обороны, и когда на стол лег телекс из Чернобыля «4-й блок атомной горит», все подумали - вот так вводная! Директор Брюха-

ной степени можно было бы использовать опыт экспериментов на ядерных полигонах. Главное, надо было что-то делать, принимать какие-то меры, и срочно.

С 27 апреля начали сбрасывать на разрушенный реактор различные материалы с вертолетов. Карбид бора - для увеличения подкритичности, доломит - для образования двуоксида углерода, которая обеспечивала бы «газовое перекрытие» и могла бы способствовать рассеянию тепла, глину и песок - для удержания радионуклидов и тушения пожара, свинец - для снижения уровня гамма-излучения.

Всего было сброшено: 40 тонн карбида бора, 800 тонн доломита, 1800 тонн глины и песка, 2400 тонн свинца.

Вся эта работа осложнялась высоким уровнем радиации (до 90 рентген в час) над реактором на рабочей высоте вертолетов (200-250 метров)».

«На подготовку встречи десанта отводилось не более десяти дней. Так ставилась боевая задача. Я говорю - боевая, так как по значимости и оперативности каждая ситуация по ее напряженности и последствиям в Чернобыле для меня, моих коллег, десятков и сотен подчиненных мне военных строителей, соответствовала сражению на поле брани. Главной сложностью, вернее особенностью, являлось то, что мы по существу не были готовы работать в условиях повышенной радиации и не умели этого делать. Враг невидим, с кем идешь в бой - не знаешь...»

«Я доложил директору решение министерства о создании службы дозиметрического контроля... Поехали так: часть народа - самолетом, часть - спецколонной, в том числе и имущество. Семь автомобилей шли полные измерительной дорогостоящей техникой, взвод автоматчиков и зам. начальника по режиму. Все сделали по стандарту, как должна отпра-

картограммы в места сооружения будущего саркофага.

Ситуация оставалась серьезной. Вскоре пришли к выводу: и людей, и приборов надо больше. Главной задачей объявили: беречь людей. Каждая разведка стоила дозиметристу до 5 рентген!»

«Был сухой закон, но за каждые 5 рентген, полученных на станции, Ефим Павлович Славский разрешил по 100 грамм. А дальше разговоры на всю ночь. Тем для этого хватало...»

«Когда был сбит огонь, реактор раскалился. Он оказался как бы в подвешенном состоянии, имея под собой бассейн-барбадер, который в результате разрушения трубопроводов охладительной системы наполнился водой. Чтобы ограничить воздействие радиации сверху, реактор заломбировали гигантской пробкой из песка, свинца, доломита, бария и других материалов. А это - дополнительная нагрузка. Выдержит ли ее раскаленный реактор? Не прогорит ли железобетонная плита. Если да, то вся машина рухнет в воду? А тогда? Никто и никогда в мире не давал ответ на такой вопрос. А здесь его надо было дать немедленно. Выпустить воду из бассейна можно было только одним путем - открыть две задвижки, которые были под слоем радиоактивной воды. Трое добровольцев, облачившись в гидрокостюмы, в крошечной темноте, по узким коридорам добрались до бассейна, нашли задвижки и выпустили воду. «От радости аж сердце екнуло» - говорили они потом. За этой операцией следили все члены правительственной комиссии, и следила Москва...»

Из беседы с главным конструктором саркофага В.А. Курносовым:

«Мало кому известно, что было около двадцати различных проектов укрытия. Так что государственной комиссии было из чего выбирать. Другое дело, что наиболее удачным признали именно наш вариант. Вначале формировалась главная идея - постепенно бетонируя подступы к 4-му блоку и тем самым подавляя радиацию, приблизиться к его завалам и, максимально использовав оставшееся после взрыва конструкции, закрыть эту чертову дыру стенами и крышей... Особая сложность, с которой мы столкнулись и при проектировании, и при возведении укрытия, состояла в том, что приходилось работать в условиях жесточайшей радиации. По ходу вносили десятки, сотни коррективов. И в этом тоже уникальность саркофага. В мире подобного опыта еще не было. Надемся, что и не будет».

Владимир Александрович дал гарантию, что саркофаг простоит минимум 30 лет. Время подтвердило прогноз великого конструктора и строителя. В.А. Курносов предложил, как именно нужно укрепить сооружение, что для этого нужно сделать. Однако власти Украины пошли другим путем: они обратились к западным специалистам. Там был объявлен конкурс на создание нового укрытия над 4-м блоком. Истрачены огромные деньги - ведь на конкурс пришло 200 проектов(!). Ни один из них пока не признан удачным...

Ну а к создателям действующего саркофага власти Киева не обращаются. Надеются, что все равно мы придем на помощь в случае нужды?!

А ведь правы: придем... И еще об одном нужно обязательно сказать. В конце 1986 года некоторые участники ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС были отмечены правительственными наградами. Вот как об этом вспоминает один из строителей саркофага:

«Руководство страны все спустило на тормозах и даже пожалело раздать моральные награды, не говоря о компенсации добровольно потерянного самого дорогого - здоровья. Ордена и медали, как всегда, многие, кто заслужил, не получили совсем, а кто сидел в Москве, - получили. Мне лично было стыдно глядеть своим собратям в глаза, когда вручали награды. Это жуткая нравственная несправедливость. Вроде праздник, а душа болит, кричит, обливается слезами - безысходность и бессилие что-то исправить. Хотелось чуда, которое принесло бы справедливость, но жизнь нас, как это часто бывало, окунула в очередной раз в дерьмо, и ведь народ простил, хотя в душе у каждого осталась щемящая зарубка на всю жизнь...»

И сегодня чернобыльцы переживают аналогичные чувства. Поинтересуйтесь у любого из них, и он выскажет все, что наболело в душе.

Владимир ГУБАРЕВ,
участник ликвидации аварии
на Чернобыльской АЭС

ВСЕМ, КТО НЕ ЗНАЕТ О ЧЕРНОБЫЛЕ...

Для поколения тех, кому уже за двадцать, но еще не тридцать, Чернобыль - столь же «отвлеченное» и далекое понятие, как старт Юрия Гагарина, полет Нейла Армстронга на Луну, правление Сталина и Хрущева, салют в День Победы.

Молодым понятно, почему Президент России всем ветеранам войны выплачивает по тысяче рублей - ведь надо купить не только что-то выпить, но и закуску тоже. Но они не могут взять в толк, почему объявляют голодовку ликвидаторы чернобыльской аварии и зачем они выходят на митинги: ведь члены правительства во всеуслышание объявили, что теперь всем льготникам, и чернобыльцам тоже, станет намного лучше, потому что лучше иметь несколько сотен рублей, чем не иметь ничего...

Я лишь на мгновение представил, как в мае 1986 года кто-нибудь из правительства или членов Политбюро ЦК партии сказал бы, что «ваши заслуги будут обязательно учтены в будущем и каждый из вас, ликвидаторов, обязательно получит десятку к пенсии...» Глубоко убежден, что такой деятель был бы мгновенно опозорен и изгнан из Чернобыля. Впрочем, такого рода общественное порицание сегодня вызывает лишь улыбку: властители столь надежно отгорожены от народа, что высказывать свое недовольство можно лишь крайними мерами, такими, как голодовка или митинг. Да и услышаны они будут лишь в единственном случае - если о них сообщит телевидение.

А потому не буду долго распространяться о том, что с законом о монетизации льгот положение ликвидаторов ухудшается очень сильно. Готов это доказать на собственном опыте, поскольку являюсь инвалидом-чернобыльцем. Однако в эти дни, когда мы вспоминаем о событиях апреля 1986 года, о тех, кто горел в пламени Чернобыля, говорить о наших чиновниках и депутатах не хочется: они ведь, поверьте, практически ничего не знают о той трагедии, что обрушилась на всех нас, вне зависимости от того, где мы живем - в России, на Украине или в Белоруссии.

Недавно довелось мне побывать в «зоне». Больше всего поразила меня

«туристическая фирма», которая обеспечивает пребывание на Чернобыльской АЭС всех желающих. Экскурсия по зоне, в Припяти - мертвом городе и возле саркофага стоит сто долларов США. Если возникнет желание попасть внутрь саркофага, то надо заплатить еще сотню.

Средняя пенсия ликвидатора составляет как раз сто долларов...

Каковы времена - таковы и нравы... В моем архиве большое количество документов, относящихся к Чернобылю. Это и официальные материалы, и воспоминания участников ликвидации аварии, и дневники ликвидаторов, и собственные наблюдения. Я работал с ними, когда писал книги о Чернобыле, снимал фильмы и ставил спектакли. Но каждый раз в канун печальной даты - 26 апреля 1986 года - я обращаюсь к этому архиву, чтобы вспомнить то, что пережито, и тех прекрасных людей, с которыми довелось жить и работать там.

Сегодня я хочу представить некоторые фрагменты той трагедии, которой суждено стать одной из самых крупных техногенных катастроф современной цивилизации. Эти записи принадлежат ученым и военным, рядовым и генералам, рабочим и государственным деятелям, - всем тем, кто носит трагическое имя «чернобылец». К сожалению, многих уже нет среди нас, но память хранит их лица, поступки и подвиги. И так будет всегда, пока есть мы...

Я пытался нарисовать коллективный портрет подвига. Понимаю, что это сделать невозможно одному человеку, но надеюсь, что горячая тревога тех дней все-таки удастся донести до тех, кто не знает ничего о Чернобыле.

Из информации спецслужб руководства страны:

«26 апреля 1986 года в 1 час 23 мин. 49 сек. на четвертом энергоблоке Чернобыльской атомной электростанции при

Работа на дистанционном пункте управления по подаче бетона в конструкции. Справа - руководитель района А.Г. Беченов.

нов рапортовал и заверил: «Справимся своими силами!». О каких силах шла речь? Работники станции не представляли сами, что произошло. Город же жил своей обычной жизнью - гуляли свадьбы, дети шли в школу. Малыши залезали на крыши домов, чтобы посмотреть, как горит реактор. Один ретивый папа повез своего сына на машине показать пожар вблизи...»

«Опыта ликвидации аварий такого масштаба не было, хотя в определен-

ваться типовая экспедиция на ядерные испытания.

Первые измерения в Чернобыле показали, что радиационные поля сумасшедшие (другого слова не подобрать). В общем, попали в местность, полную неожиданностей. Перед нами была поставлена задача: развернуть отдел по полигонной форме, идти с опережением строителей. Основная цель - знать все о радиационной обстановке, разработать